

И Я СКАЗАЛ СЕБЕ «НЕТ!», ИЛИ ГЛИНЯНАЯ ДЕВА

ЭЛЕОНОРА
МАНДАЛЯН

Элеонора Мандалян

**И я сказал себе «Нет!»,
или Глиняная дева**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Мандалян Э.

И я сказал себе «Нет!», или Глиняная дева / Э. Мандалян —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Гениальный советский ученый Карагези создает искусственного человека из протоматерии – очаровательную девушку, обладающую звериной силой и пластикой. Казалось бы, Лилит – само совершенство. Лишь одного ученый не смог в нее вложить — человеческий интеллект. Он сотворил милое, но опасное животное в облике человека. Другой ученый – американец Кларк, под видом научной взаимопомощи предлагает исследовать Лилит в своем центре, чтобы попытаться найти, где закралась ошибка. Получив разрешение на вывоз Лилит, Карагези отправляет ее в Штаты со своей сотрудницей и сыном. Там, в научном городке Кларка, начинают происходить странные и страшные вещи, поскольку Кларк – не тот, за кого себя выдает, и у его научных экспериментов совсем иные задачи и цели. В экстремальных условиях послушная, ручная Лилит превращается в агрессивного зверя. Сын Карагези, Орбел, всей душой ее полюбивший, стремится спасти и вернуть прежнюю Лилит...

© Мандалян Э.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Элеонора Мандалян

И я сказал себе «нет!», или Глиняная дева

ГЛАВА 1

– Собирайся, Орбел, сегодня ты поедешь со мной.

– С чего бы? – Юноша недоверчиво посмотрел на отца: – Вот уже несколько лет ты только и делаешь, что уединяешься с сотрудниками, проскальзывающими в твой кабинет с детективной таинственностью; плотно закрываешь дверь, говоря по телефону; не отвечаешь ни на один вопрос, если речь идет о твоём эксперименте; и вообще игнорируешь нас с матерью, будто мы тебе чужие... И вдруг на тебе! Ни с того ни с сего: «Собирайся, мы едем»...

– Значит, так было надо тогда и так надо сейчас, – отрезал отец. Бесстрастно выслушивая тираду сына, он завязывал перед зеркалом галстук тщательнее обычного. – Лучше взгляни, хорош ли узел.

– Узел-то хорош, да сам галстук... – Сын выразительно поморщился и покачал головой.

– Так подбери что-нибудь более подходящее. Только побыстрее.

– Ну конечно, у тебя как всегда мало времени, – ворчал Орбел, перебирая разноцветные языки галстуков на внутренней панели отцовского шкафа. – Мог бы и заранее предупредить. Сам наряжаешься, а мне за тобой, что – в домашних шлепанцах бежать?

Уже в машине Орбел, не скрывая досады, сказал:

– Может, все-таки объяснишь, куда мы едем?

– В НИК, разумеется. Конференция у нас. Международная. Но при этом конфиденциальная. Для узкого круга специалистов, наших и зарубежных.

Просторное помещение, в котором, как знал Орбел, должна была располагаться секретная лаборатория отца, сегодня выглядело неожиданно празднично. Музыка, мягкий свет, стол с угощениями... и люди. Довольно много людей.

Романа Борисовича Фальковского и Ольгу Пескареву Орбел знал, они были сотрудниками Научно-исследовательского комплекса, то бишь «НИКа», и часто приходили к отцу домой. Остальных же видел впервые.

Его внимание привлекла девушка у плотно занавешенного окна. Своим присутствием она вносила явный диссонанс в галерею чопорных, самоуверенных лиц, на которых печать глубокого ума заслоняла все прочие человеческие качества. С чувством восхищения и любопытства Орбел разглядывал ее длинное, грациозное тело, очень узкие плечи и бедра. Ее движения были настолько плавны и грациозны, что вся она будто струилась, будто под облегающим оранжевым платьем скрывались не кости, облаченные в мускулы, а какая-то удивительно пластичная упругая масса.

Ученый мир хорошо знал его отца – по международным конгрессам и симпозиумам, по регулярным публикациям в научных журналах, и Орбел нисколько не удивился, когда при его появлении все бросились к нему, чтобы пожать руку, выразить свои симпатии и уважение.

– О-о, мистер Карагези! Рад. Чрезвычайно рад засвидетельствовать вам... – широко улыбался странноватого вида пожилой американец с большими, подвижными руками. Он был руководителем обширного лабораторного городка и прославился оригинальными исследованиями в области генетики и микробиологии.

– Дорогой коллега! Видеть вас для меня истинное удовольствие, – радушно, на свободном английском приветствовал гостя отец. – Мистер Кларк, разрешите представить вам моего сына.

Жесткая кисть Орбела хрустнула в медвежьем рукопожатии американца.

– Мистер Эдвард Тернер! Счастлив видеть вас. Что нового в старой Британии?... Бесподобная фрау Виллер! Слушал вас в Гарварде, это было прелестно – изящно и эффектно... Это мой сын, фрау Виллер. Прошу любить и жаловать... Дон Монорес! Благодарю вас... Мое почтение, мистер Калчер!.. Господа! Я всем вам выражаю свою глубокую признательность за то, что откликнулись на мою просьбу и нашли время посетить нас... – Карагеzi сердечно жал руки светилам, находя для каждого нужное слово.

Не без гордости наблюдая за отцом, Орбел с доброй иронией подумал: «Зафанфаронил старик... Ох, зафанфаронил. Уж всем вроде бы доказал, что умен за десятерых, а все не упускает случая лишний раз сорвать аплодисменты. Есть грешок – любит порисоваться, пощеголять знанием языков.»

– Для начала, дамы и господа, прошу всех к нашему скромному столу. Думаю, небольшой а-ля фуршет никому не помешает.

Не дожидаясь повторных приглашений, гости окружили стол, откупоривая бутылочки с прохладительными напитками, разбирая заранее приготовленные Оленькой бутерброды. Девушка в оранжевом платье, оттолкнув от стола Фальковского и фрау Виллер, схватила несколько бутербродов с бужениной и попыталась съесть их все сразу, не обращая внимания на вытянувшиеся от напряжения и конфуза лица хозяев лаборатории. Орбел заинтригованно следил за ней. Карагеzi, заслонив собой девушку, попытался отвлечь гостей разговорами о генной инженерии.

– Оля, кто это? – шепотом спросил Орбел.

– Это..? Лилит, – деланно беспечным тоном ответила та и увела лавандовый взгляд в сторону.

Дожевывая бутерброды, ученые сгруппировались вокруг Карагеzi. Здесь были биохимики и социобиологи, психологи и антропологи.

Прелестная дикарка между тем, зажав в узких ладошках новую порцию бутербродов, вернулась в укромное место между сейфом и окном и с завидным аппетитом уплетала их. Темно-карие сумрачные глаза ее тревожно смотрели из-под округло выступавшего лба.

«И где отец такую откопал», – думал Орбел, не спуская с нее глаз. Его поражал контраст между изяществом совершенных форм, грациозностью движений – с одной стороны, и непристойной алчностью и невоспитанностью – с другой. – «Кто она? Пловчиха? Гимнастка? Акробатка? А может, балерина? – гадал он, пережидая, когда девушка наконец насытится, чтобы не смутить ее. – «Спортсменов и балерин держат на строгой диете. Вот она, наверное, и дорвалась».

– Привет, Лилит, – сказал Орбел тем игриво-беспечным тоном, каким обычно заговаривал с девушками, и пододвинул ей стул: – Не хочешь присесть?

Она вскинула на него быстрый подозрительный взгляд – одна щека ее смешно оттопыривалась. Так и не дожевав, девушка судорожно глотнула, и лицо ее снова стало симметричным. Большие, ничего не говорящие глаза не отрываясь смотрели на Орбела. Наконец она с усилием, как ему показалось, произнесла:

– П...привет... Лилит.

Наверное, это надо понимать так: «Привет. Лилит», подумал он. Она решила представиться ему, не расслышав, что он уже назвал ее по имени. Улыбнувшись, Орбел ответил:

– У тебя очень милое имя. А меня зовут Орбел. Давай знакомиться.

Она выслушала его, слегка наклонив голову набок, и с той же интонацией... вернее – без нее, повторила:

– П...привет... Лилит.

Улыбка соскользнула с его лица.

– Ты потрясающе выглядишь.

Ее губы раскрылись подобно бутону, глаза не отрываясь смотрели в его глаза.

«Ах, вот в чем дело! – осенило Орбела. – Девушка иностранка. Она плохо понимает по-русски.»

Он заговорил с ней по-английски, по-немецки. Даже по-армянски. Она безмятежно созерцала его. Тогда он, для наглядности тыча пальцем себе в рот, спросил:

– Ам-ам. Кушать... Если хочешь, я принесу.

Она поняла его и, казалось, обрадовалась:

– Лилит кушать хочет.

– Как, еще?!. – не удержался он и, устыдившись своей бестактности, поспешил добавить: – Понял. Я мигом. Подожди.

Он подошел к столу – отец, не прерывая беседы, краем глаза наблюдал за ним – уложил на тарелочку целую горку разных бутербродов и вернулся к девушке, уютно устроившейся на предложенном им стуле.

– Вот, пожалуйста. Это тебе.

Она посмотрела на еду, потом на него и снова сказала:

– Лилит кушать хочет.

Стоя перед девушкой с тарелкой в руке, Орбел растерялся.

– Лилит кушать хочет.

Он озадаченно смотрел на нее, она – на него – до тех пор, пока взгляд ее не затуманился. Веки, будто под тяжестью ресниц, медленно опустились, она поджала под себя ноги, склонила голову на грудь и... уснула.

Орбел оскорбился. Впервые девушка засыпает от скуки в его присутствии. Он нашел взглядом отца и, поймав его ироническую усмешку, поспешил присоединиться к остальным.

Ученые толковали о тайнах самовоспроизводящейся клетки, о первичных органических молекулах, о ДНК и РНК, о протеиноидных микросферах. Дон Монорес ни на секунду не отрывал взгляда от лица Карагеци. Мутно-зеленые, как стоячее болото, глаза Кларка обшаривали углы и стены лаборатории. Ученая беседа явно не интересовала его. Он ждал все нетерпеливее обещанного советского сюрприза. Ту же особую настороженность можно было уловить на лицах всех приглашенных. Орбелу тоже не терпелось скорее увидеть результат многолетней, окутанной тайной, работы отца. А Карагеци, казалось, намеренно мучил всех, наслаждаясь своей властью над их помыслами.

– Тигран Мовсесович... – не выдержав, взмолился испанец.

– Вы испытываете наше терпение, – подхватил американец.

Остальные тотчас присоединились к ним.

– Хорошо-хорошо, будь по-вашему. Перейдем к непосредственной цели нашей встречи. Могу сказать вам только, что результаты нашего эксперимента значительно превзошли ожидаемые. Здесь, в ничем не примечательной с виду лаборатории, мы открыли новую эру научных достижений. Не боюсь показаться нескромным... Мой эксперимент можно было бы считать законченным, если бы не одно «но»... – Он сделал долгую паузу... глубоко вздохнул. – Это «но» тревожит меня и моих коллег. Вот почему мы так долго не раскрывали тайну. Скажу больше – эта тайна превратилась в непосильную ношу, которую я лично не могу больше нести один. И, заручившись согласием руководства, я пригласил вас, ведущих отраслевых ученых, чтобы держать с вами совет. Может быть, сообща мы сумеем найти выход. – Он обвел присутствующих одновременно и торжественным и скорбным взглядом.

Заинтригованные многообещающим вступлением, ученые заверили его в искренней готовности прийти на помощь.

– Фрау Виллер, я вспомнил о вас в первую очередь. – Карагеци взял руку немки в свои мягкие теплые ладони, – уповая не столько на ваш ясный ум блестящего ученого, сколько на сердце женщины.

Фрау Виллер была польщена его особым доверием.

– Так покажите же, наконец, то, что вы так долго и упорно от всех нас скрывали! – Она ободряюще сжала его руку. – Смелее, коллега! Уверена, вместе мы сможем решить все ваши проблемы.

– Дорогие мои товарищи и господа! Вы напрасно торопите меня. Я и не собирался интриговать вас. Все вы давно имеете возможность лицезреть уникальный плод наших трудов.

Ученые озадаченно переглянулись: не вздумал ли Карагеци подшутить над ними? А тот выдержал эффектную паузу, шагнул в сторону от окружавших его гостей и широким жестом указал в дальний конец помещения:

– Прошу вас!

Взгляды всех обратились к сладко спящей в уголке девушке. Орбел ничего не понимал.

– В... вы... вы хотите сказать?... – пробормотал нетерпеливый испанец.

– Да. Именно это я и хочу сказать, – улыбнулся Карагеци, наслаждаясь всеобщим замешательством.

Ольга и Роман Борисович заняли позиции готовности между девушкой и присутствующими.

– О, нет, – замотал тяжелой головой американец. – Это невозможно. Я, посвятивший всю жизнь генетике, заявляю со всей ответственностью: на сегодняшний день это невозможно.

– Мне удалось овладеть тайной процесса репликации на основе использования рибонуклеиновой кислоты, – перебил его Тернер, краснея от внутреннего напряжения. – Но дальше пойти не смог. Потому что дальше – тупик.

– Простите, дорогой коллега, – сдерживая возмущение, подступился австралиец Калчер, – но это подлог. Другого не дано. Другого быть не может.

– Потому что не может быть никогда? – усмехнулся Карагеци. – Так мы продолжим демонстрацию или отменим ее, мирно прервав наше ненававшееся содружество?

Гости снова переглянулись. Советские ученые с красноречивым единением сгрудились позади Карагеци. Кларк беспомощно развел руками, выразив общее состояние недоверия, растерянности и... готовности продолжить необычную конференцию.

– Лилит... – тихонько позвал Тигран Мовсесович. Девушка тотчас подняла голову, насторожилась, но продолжала сидеть в той же позе. – Ко мне, Лилит! Живо! – приказал Карагеци, хлопнув себя по ноге.

– Отец! Как ты можешь так с девушкой! – возмутился Орбел. Его реплика осталась без внимания.

К неопишуемому изумлению гостей, девушка одним невероятно длинным, невероятно мощным и в то же время грациозным броском, при котором тело ее горизонтально распласталось в воздухе, перелетела через несколько сдвинутых лабораторных столов и оказалась у ног своего повелителя.

– Умница, Лилит. Молодец. – Карагеци поощрительно погладил ее по голове.

Гости, и советские и зарубежные, были в шоке. Орбел не составлял исключения.

– Девушка-пантера, – пробормотал Кларк.

– Встать, Лилит! Ап! – Карагеци щелкнул пальцами. Девушка неохотно поднялась на ноги. А он скорбно-извиняющимся тоном пояснил: – Пока она слушается только команды, произнесенной четко и властно.

– Сколько же ей лет? – поинтересовался кто-то из присутствующих.

– По аналогии с человеческим возрастом примерно семнадцать. Но мы потратили на нее значительно меньше времени – неполных четыре года.

– Невероятно, – не скрывая зависти, пробормотал Монорес.

– Потрясающе, – вторил ему Калчер.

– Какое удивительное создание, – прошептала фрау Виллер и, помня оказанное ей доверие, потянулась к девушке: – Дитя...

– Осторожно! – крикнул Карагези. Но опоздал. Аккуратненькие, сахарные зубки Лилит впились в опрометчиво протянутую руку. – Не смей!

Оля и Роман Борисович, стоявшие наизготове, бросились на Лилит, оттащили ее в сторону. Их действия были излишними – после гневного окрика хозяина Лилит сразу сникла, чувствуя себя виноватой, и отнюдь не собиралась сопротивляться. Фрау Виллер, поджав губы, разглядывала ровный бисерный овал и две проступившие капельки крови на своей руке.

– Да оставьте вы ее в покое! – прикрикнул на сотрудников раздосадованный Карагези. – Принесите лучше йода.

Ольга бросилась в соседнее помещение, а Карагези оправдывался перед пострадавшей.

– Право, мне ужасно неловко. Я обязан был предупредить. Лилит не выносит чужих? Да она, собственно, никого и не видела. Ее можно понять, учитывая...

– Не верю! – вдруг злобно выкрикнула фрау Виллер. – Не верю ни единому вашему слову! Ложь! Подлог! Фальсификация. Ваша девица – взятая напрокат актриса. А кусаться – премудрость небольшая.

– Наверняка спортсменка, – подсказал австралиец.

– Ни один, даже самый тренированный спортсмен не способен на такой прыжок, – в раздумье покачал головой Кларк. – Без разгона, из сидячего положения...

– Прыжок – не показатель.

– Укус – тем более.

– А ее глаза, – не уступал американец. – Посмотрите в ее глаза! Такое не подделаешь. В них нет и намека на интеллект.

– Разве на Земле мало родится дебилов, умственно неполноценных, но развитых физически? – огрызнулась фрау Виллер.

Карагези жестом призвал собравшихся к тишине:

– Чтобы покончить с сомнениями, я сейчас кое-что продемонстрирую вам... Лилит, – позвал он ласково. Девушка подняла на него выжидательно-преданный взгляд. – Покажи животик, Лилит. Ну! Быстренько! Покажи животик.

Девушка, явно обученная этой команде, подхватила полы платья и, грациозно извиваясь, потянула их вверх.

Орбел во все глаза смотрел на ее длинные, сильные ноги, на белые трусики, на гладенький упругий живот.

– Отец! Что ты делаешь? – прошептал он.

Возглас Кларка заглушил его:

– Смотрите... Смотрите! У нее нет пупка!!! Она не рождена от женщины...

Ученые волновались, спорили. Карагези стоял с холодным, замкнутым выражением лица. Он ждал от них помощи, но не получил ее. И, окончательно потеряв интерес к приглашенным, предоставив им возможность выговориться, отошел к сыну.

– Ну, что ты думаешь обо всем этом?

– Я ничего не понимаю, отец, – признался Орбел.

– Надеюсь, ты не разделяешь подозрений, что я устроил здесь спектакль, что пупок ей, к примеру, я залепил пластилином?

– Отец, ведь я жил рядом с тобой со дня своего рождения...

– Не обижайся, что я не посвящал тебя раньше... Раньше нельзя было. Ты очень нужен мне, Орбел. Ты даже не представляешь, как ты мне нужен. На тебя теперь, можно сказать, единственная надежда.

ГЛАВА 2

Возвратившись домой, они, не меняя одежды и отказавшись от вечернего чая, уединились в кабинете. Отец неторопливо принялся расхаживать по комнате, Орбел, следя за ним, ерзал на стуле. Наконец, отец остановился и сел подле него в кресло.

– Могу понять твое нетерпение. Ладно... приступим... Ты, конечно, знаком с профилем моих исследований. Кроме того, ты следишь за периодикой и хорошо осведомлен о поисках учеными разгадки происхождения жизни на Земле, секрета возникновения протоклетки и ее поразительной способности к самовоспроизведению. Уже довольно успешно ведутся опыты по созданию искусственным путем органических молекул, входящих в состав живой клетки. Помнишь, кто первым предложил воздействовать на них солнечной радиацией и энергией электрического разряда? Наш соотечественник Александр Опарин. Позднее это было проверено экспериментально американцем Миллером. Он смоделировал земную атмосферу, подогрев смесь воды с метаном и аммиаком, и пропустил через нее электрический разряд. Так началась эра проникновения в корень жизни, первые попытки воссоздать живую клетку путем химической эволюции первичных органических молекул... Пошли дальше. Биохимик Фокс разработал в теории и показал на практике, как в протеиноидных микросферах, богатых аминокислотой лизином, происходит каталитическое образование аминокислотных и нуклеиновокислотных цепочек, то есть генетического кодирующего механизма живой клетки...

– Мы можем сообща вспомнить дальнейшие опыты американца Оргела по воссозданию процесса репликации, селективных сочетаний нуклеотидов и аминокислот. Кэанс-Смита, полагающего, что РНК слишком сложно организована, чтобы стать исходным генетическим материалом. – Орбел начинал нервничать. Не этого он ждал от отца. – Но...

– Стоп! Мы подошли к главному. – Карагези откинулся на высокую спинку кресла, сделал внушительную паузу, чтобы сын осознал всю значительность момента. – По мнению весьма кстати упомянутого тобой Кэанса-Смита, РНК эволюционировала от более примитивной, на наш взгляд, самовоспроизводящейся структуры. Ты помнишь, что он имел в виду?

– Конечно. Он имел в виду глину, – устало отозвался Орбел.

– Совершенно верно, – подхватил Карагези. – Глина! Уникальнейшая среда. Образуется на кристаллической решетке из атомов...

– Кремния, алюминия, кислорода и водорода.

– ...Которые имеют обыкновение накапливаться отдельными слоями. Но! С ростом кристаллов в решетке возникают искажения.

– Ну да. Место кремния, например; занимает алюминий.

– Молодец, сын. У тебя хорошая память. А помнишь эксперименты Вейса из Западной Германии? Он обнаружил, что информация искажений копируется последующими слоями решетки. Вот в чем фокус. Вот что заинтересовало меня. Вот чем я занимался большую половину своей жизни в науке. Изучая свойства обыкновенной глины, я сумел доказать экспериментально, что глина выборочно соединяет нуклеотиды, образующие затем устойчивые связи. Не буду сейчас морочить тебе голову закономерностями накопления энергии в дефектных структурах глины и ее последующего высвобождения. Мои статьи и доклады на эту тему, как ты знаешь, обошли весь мир. Но когда мне удалось доказать – не кому-то там, а самому себе, что глина и есть система протожизни, признаюсь, я потерял покой. Я потерял, в буквальном смысле, почву под ногами. «Тигран! – сказал я себе. – Ты слепец! Ты искал протожизнь, а сам ходил по живому. Ты топтал, попирал ногами собственную колыбель, которая дышит, взаимодействует с окружающей средой. Самовоспроизводится! Живет!» И я окончательно уверовал, что способен вот этими самыми руками, подобно библейскому богу, замесив глину, создать из праха земного Адама и Еву.

Орбел отказывался верить своим ушам.

– Итак, – продолжал Карагези, – для того, чтобы в глине начался процесс кристаллизации, нужна солнечная энергия, преобразуемая веществом в химическую энергию, электрический разряд и... вода. Дождь. Лужа. Но жизнь, как мы подозреваем, зародилась в океане и, возможно, с помощью все той же глины, оседавшей в виде ила на дно. А океаническая вода по своему составу близка... крови млекопитающих. Нашей крови! Вот, в чем мой основной секрет. Не вода, а кровь! Но об этом до поры до времени никто не должен знать. Ты – единственный, кому я доверил свою тайну. Я взял за жидкую основу плазму крови и... получил творение из праха земного. Сегодня ты лично познакомился с ним.

Орбел смотрел на отца и не мог разжать зубы – все слова, способные зародиться в нем, вдруг утратили смысл.

– Конечно, я не бог и даже не скульптор. Все это художественные аналогии, не более того. Я ученый. «Замесить глину» – лишь эффектная фраза, за которой годы раздумий, поисков, расчетов, опытов и ошибок. За которой аппаратура, инкубаторы с идеальной средой, термостатами и увлажнителями, дозированной радиацией и электрической насыщенностью водяных паров. Я сутками не разгибал спины, не отходил от микроскопа... Человек тщеславен. Возомнил себя божественной копией. Дарвин низвел наших предков до обезьяны. Я спущусь еще ниже – к праху земному.

– Я не ослышался? Не помутился рассудком? – оборвал его Орбел, вновь обретая дар речи. – Ты создал Лилит из... глины? – В его вопросе прозвучали упрек и разочарование. – Зачем ты это сделал, отец?

Меньше всего Карагези ожидал такого вопроса. Он думал, Орбел вскочит с места, бросится к нему с восторженными похвалами. Ведь он шагнул туда, куда никому в мире дойти не удавалось. Нет, положительно, он ждал от сына иной реакции.

– Легенда о создании человека из глины, из праха земного имеется едва ли не у всех народов мира, – сказал он обиженно. – У античных греков и иудеев, у вавилонян, шумеров, древних китайцев и египтян, среди племен Центральной Индии и аборигенов Австралии, у индейцев Америки и Африки. Жители островов Палау в Тихом океане уверены, что людей лепили из глины, замешенной на крови животных. Заметь: на крови. Не я первый додумался до этого. За тысячи лет до меня человеческий ум искал и постигал, казалось бы, непостижимое. А может, просто знал? По вавилонской легенде, бог Бел отрезал собственную голову, чтобы другие боги, смешав его кровь с землей, вылепили первых людей. Не удивительно ли?... По-еврейски «Адам» значит «человек», «адама» – «земля».

– Я смотрю, в оппоненты ты выбрал себе Библию и мифологию, – усмехнулся Орбел. – Но тогда тебе следовало бы назвать свое творение Евой, а не Лилит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.